

ВАЛЕРИЯ ВЕРБИНИНА

Миллион
в воздухе

Москва
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В31

Оформление серии *С. Груздева*

Вербинина, Валерия.

В31 Миллион в воздухе : [роман] / Валерия Вербинина. — Москва : Эксмо, 2018. — 352 с. — (Парижский след. Лучшие детективы).

ISBN 978-5-04-097893-9

Юная Мэй отправилась в Ниццу с тяжелым сердцем: ей предстояло наладить отношения между родителями и баснословно богатой бабушкой. Едва устроившись в доме вздорной пожилой дамы, девушка обнаружила в своем чемодане окровавленный нож... Устав ломать голову над этой пугающей находкой, Мэй обратилась за помощью к своей недавней соседке по купе, баронессе Амалии Корф. Она не знала: Амалия — бывший секретный агент российского императора. Баронесса уже покинула особую службу, но история с ножом чрезвычайно заинтересовала ее: орудие есть, а убийства нет! Амалия заподозрила, что некто хотел подбросить улику вовсе не попутчице, а ей самой, но спутал чемоданы. А значит, отходить от дел еще рано...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-097893-9

© Вербинина В., 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

ЭКСПРЕСС «ЗОЛОТАЯ СТРЕЛА»

По перрону Лионского вокзала бежала дама. Золотое пенсне подскакивало на носу в такт, цветы на шляпке колыхались, словно в бурю, рука в перчатке сжимала старомодную сумочку вроде тех, какие носили лет 30 назад, году этак в 1867-м.

Впереди, уверенно рассекая толпу пассажиров и встречающих, летел носильщик. Это был высоченный, ко всему привычный малый, который передвигался такими широкими шагами, что каждый из них был равен трем, а то и четверем шагам дамы в пенсне. Впрочем, вовсе не это обстоятельство достойно внимания, а то, что, имея, как и все люди, всего две руки, носильщик тем не менее ухитрялся тащить разом целых шесть чемоданов.

Считайте сами: один желтый, один коричневый, один с обитыми железом уголками, еще один новый, но уже с царапиной на крышке, один коричневый маленький с монограммой «М.У.» возле ручки и еще один, который, судя по его виду, успел застать еще времена Наполеона Великого и — опять-таки судя по виду — наездился в эти времена так, как не всякому чемодану удается.

Обладательница шести чемоданов, а также всего их содержимого едва поспевала за дамой в пенсне, которая, несмотря на почтенный возраст и не располагающую к стремительности одежду, почти догнала верзилу-носильщика. Тот бросил взгляд через плечо и задорно прокричал:

— Поторапливайтесь, сударыни! Поезд вот-вот отойдет!

Дама в пенсне охнула и схватила за руку спутницу.

— Мэй, ты слышала? Поезд!

— Да, тетя Сюзан, — серьезно ответила Мэй.

До отхода поезда оставалось минут десять, но Сюзан Беннет, как истая англичанка, не доверяла французам вообще и французским железным дорогам в частности. По ее мнению, машинисту могло взбрести в голову что угодно, и он в состоянии отправиться раньше исключительно для того, чтобы насолить Британской империи в лице милой Мэй и провожающей ее почтенной миссис Беннет. А значит, стоило поспешить, чтобы лишить машиниста этого сомнительного удовольствия.

Миссис Беннет покрепче прихватила племянницу под руку и прибавила шагу, но тут носильщик сжалился и объявил:

— Кажется, уже пришли!

Они двинулись вдоль состава. Тут были вагоны попроще, с сидячими местами и без купе, купейные вагоны, спальные, серый багажный и вагон-ресторан. Третий класс, второй, первый...

— Дамы и господа, экспресс «Золотая стрела» отходит через пять минут! Повторяем: «Золотая стрела» Париж — Ventimiglia с остановками в Дижоне, Лионе, Валансе, Авиньоне, Арле, Марселе и далее в Тулоне, Ницце, Монако и Ментоне отходит через пять минут!

— Что он говорит? — нервно переспросила миссис Беннет.

— У нас есть еще пять минут, — успокоила ее Мэй.

Хотя госпожа Беннет была женой юрисконсульта английского посольства и уже около двадцати лет благополучно проживала на шоссе д'Антэн, она так и не сумела толком выучить французский. Возможно, больше всего ей мешало то обстоятельство, что стоило ей заговорить по-французски с кем-либо из аборигенов, как в ответ неизменно следовало учтивое:

— Pardonnez-moi, madame, je ne parle pas Anglais¹.

— Но я же говорю по-французски! — возмущалась вечерами уважая леди в присутствии мужа, добродушного мистера Беннета. — Чего еще они от меня хотят?

Стивен Беннет вздыхал. В самом деле, как объяснить супруге, которую вы бесконечно уважаете, что французы произносят слова иначе, чем она, и интонация у них совсем другая, не говоря уже о такой мелочи, как грамматика? Поэтому миссис Беннет продолжала пребывать в пагубном заблуждении, что она говорит по-французски, только вот почему-то никто из французов упорно не желает ее понимать.

— Нет-нет, — встрепелась Мэй, увидев, что носильщик собирается нести весь ее багаж в соответствующий вагон, — этот чемодан я беру с собой!

— Который, мадемуазель? — почтительно осведомился верзила.

Мэй наморщила лоб. В самом деле, у нее успело вылететь из головы, какой именно чемодан приго-

¹ Простите, сударыня, я не говорю по-английски (*франц.*).

дится в пути. Кажется, она уложила одежду в поцарапанный. Или в чемоданчик с монограммой?

— Поезд отправляется через пять минут!

Красавец локомотив зашипел и выпустил пар. Он был выкрашен в светлую краску, все металлические детали покрыты медью и сияли, как солнце, а на боку красовалась золотая стрела, заключенная в круг. К Мэй и ее тетушке приблизился молодой кондуктор, на форме которого также имелась стрела, вышитая желтой нитью.

— Сударыни?.. — вопросительно протянул он.

Мэй наконец распорядилась оставить два чемодана из шести — и поцарапанный, и с монограммой, — а остальные сдать в багаж, после чего стала рыться в сумочке, ища билет. Тетя Сьюзан величаво поправила пенсне.

— Дорогая, я надеюсь, ты захватила с собой все необходимое? И надела лучшее белье?

— Тетя! — возмутилась Мэй, едва не выронив сумочку от неожиданности.

— В этой жизни надо быть готовым ко всему! — наставительно объявила тетя Сьюзан. — Что, если ночью поезд сойдет с рельсов и случится катастрофа? А на тебе будет старое белье, и все это увидят! Это же ужасно!

— Я не собираюсь попадать в катастрофы, — сердито сказала Мэй, доставая заветный прямоугольник с надписью «Première classe»¹ и инициалами PLM, которые шли через весь билет. PLM означало Paris Lyon Méditerranée, компания «Париж—Лион—Средиземноморье», которой помимо

¹ Первый класс (франц.).

всего прочего принадлежал и экспресс «Золотая стрела».

— В конце концов, — добавила Мэй, вручая билет кондуктору, — не для этого же я сюда приехала!

— Ваше купе в середине вагона, сударыня, — сообщил кондуктор, возвращая ей простреленный компостером прямоугольник.

Миссис Беннет вздохнула. Близился миг, который она не могла позволить себе пропустить.

— Береги себя, дорогая! — патетически воскликнула она и заключила племянницу в объятия.

Собственно говоря, миссис Беннет вовсе не собиралась останавливаться на этом. Ей хотелось прочитать юной Мэй еще кое-какие наставления, в которых та, несомненно, нуждалась, но тут вернулся носильщик, отдал дамам багажную квитанцию и застыл у вагона с видом человека, жаждущего платы за свои труды, причем немедленно. Миссис Беннет неодобрительно покосилась на него, так как он портил всю торжественность момента. Однако все же достала из кошелька монетку и вручила носильщику. Рассмотрев полученное, тот распрямился и поглядел на старую англичанку сверху вниз.

— Шесть чемоданов, сударыня, — промолвил он сокрушенно, качая головой.

Миссис Беннет поджала губы, непреклонная, как адмирал Нельсон на палубе своего корабля. С ее точки зрения, она и так переплатила, потому что вовсе не собиралась брать носильщика, и если бы Джеймс, слуга мистера Беннета, не заболел, таковой надобности вообще не возникло бы. Верзила вздохнул, буравя ее взором, полным укоризны. Миссис Беннет ограничилась тем, что снова поправила пенсне и отвернулась. Мэй вспыхнула, вытаскила первую попавшуюся монету (которая оказа-

лась пятифранковой) и сунула ее в руку носильщику, который расцвел и даже изобразил нечто вроде поклона.

— Счастливого пути, мадемуазель!

Мэй поднялась в вагон. Носильщик подал оставшиеся два чемодана. Миссис Беннет вытащила платочек и прижала его к глазам. Цветы на шляпке затрепетали, предчувствуя новую бурю.

— Мэй! Дорогая, не забудь написать нам, когда приедешь! Иначе я буду волноваться! Я дала тебе адрес мистера Фрезера?

Мэй, которая шла по вагону мимо окон, выходящих на перрон, остановилась и кивнула прелестной кудрявой головкой.

— Это сын моей подруги Люси, ты должна его помнить! — продолжала кричать миссис Беннет на весь перрон. — Он бывал у нас в доме, когда Стивен приезжал в Лондон и мы приглашали твою семью в гости! Уверена, если понадобится, он не откажется тебе помочь! И не забудь передать бабушке Клариссе привет от нас! Конечно, она вряд ли нас вспомнит, мы видели ее последний раз лет двадцать назад, но — как знать?

— Да, да, я прекрасно помню мистера Орехра! — крикнула Мэй. — Не волнуйтесь, тетушка!

— En voiture¹, дамы и господа! Поезд отправляется!

Локомотив издал хриплый свист. Провожающие прощались с пассажирами «Золотой стрелы». Миссис Беннет совсем расчувствовалась и несколько раз махнула платком. Стоя у окна, Мэй улыбнулась и помахала в ответ рукой. «Золотая стрела» набрала

¹ По вагонам (франц.).

скорость и полетела по рельсам, направляясь из Парижа на юг.

Когда Лионский вокзал скрылся из виду, Мэй решила, что пора занять свое место в купе. Отыскав нужный ей номер — 7-й, — она решительно толкнула дверь.

ГЛАВА 2

ДАМА В СИРЕНЕВОМ

От природы Мэй была застенчива. Признаемся сразу же: юную англичанку вполне устроило бы, окажись она одна в купе. Мало того, что она находилась в незнакомой стране, где все казалось непривычным или, во всяком случае, не таким, как дома; что, если теперь ей еще придется находиться в замкнутом пространстве с незнакомым человеком, с которым надо как-то поддерживать беседу, чтобы не прослыть невежей, и интересоваться его делами, когда от своих собственных голова просто кругом? Да и вообще, когда едешь одна, все гораздо проще. Можно поставить чемоданы на чужое место, разложить вещи, как хочешь, и не бояться, что нескромный взгляд заметит что-нибудь — да хотя бы что у расчески треснула ручка, но это старая расческа, любимая и в некотором роде уважаемая, которую не заменят сто новых. И вообще...

Но что вообще, Мэй додумать не успела, потому что встретила ясный и открытый взгляд дамы, которая уже сидела в купе. Стало ясно, что совершить путешествие в одиночку не удастся.

— О! — пролепетала Мэй. И, как и все застенчи-

вые люди, совершенно невпопад спросила: — Pardon, madame, est-ce que c'est un compartiment numéro sept?¹

Вопрос был излишним, потому что семерка на двери красовалась под изображением золотой стрелы. Дама поглядела на Мэй. В глазах незнакомки мелькнули загадочные искорки.

— Вы можете говорить по-английски, — любезно сообщила она на чистом английском без малейшего акцента. — Мисс...

В тоне проскользнул намек на вопрос, и Мэй поторопилась ответить.

— Меня зовут Мэй, — сказала она. — Мэй Уинтерберри.

— Очень приятно, — отозвалась дама, не называя, однако, своего имени. — Куда вы направляетесь, мисс Мэй?

— В Ниццу, — ответила Мэй, глядя на собеседницу во все глаза.

— Поправляете здоровье?

— Не совсем, то есть... — Мэй порозовела. — Меня пригласили в гости, миледи, — наконец выдавила она из себя.

— А, — уронила дама и стала наблюдать, как Мэй возится со своими чемоданами. Те, похоже, в точности как некий французский писатель², не имели ничего против путешествий, но терпеть не могли перемещаться, потому что, хотя в купе было достаточно места, Мэй никак не могла пристроить чемоданы так, чтобы они не пытались накрениться,

¹ Скажите, сударыня, это купе номер семь? (франц.).

² Жюль Ренар.

упасть и отдавить ей ноги. Дама в сиреновом почувствовала, что пора вмешаться.

— Нет, большой чемодан поставьте рядом с моим, иначе будете все время о него спотыкаться. Да, мисс, прямо сюда.

— Спасибо, миледи, — пролепетала Мэй. — Просто я... ну... не люблю класть багаж наверх. — Тетя Сьюзан тысячу раз повторила: если в пути что-нибудь произойдет, самый тяжелый чемодан непременно упадет Мэй на голову, после чего жизнь для нее станет крайне проблематичной. Поэтому наверх Мэй положила свою шляпку, села на бархатный диван и стала прилежно смотреть в окно. Воспитание учит англичан, что неприлично тарашиться на незнакомых людей, будто деревенщина какая.

Как и следовало ожидать, за окном не обнаружилось ничего интересного, и через некоторое время Мэй отважилась перевести взгляд на свою попутчицу. Это была дама, как решила Мэй, лет двадцати пяти или около того; и не простая, а Дама с большой буквы, настолько все в ней дышало сдержанным достоинством, утонченностью и изяществом. На незнакомке сиреневое платье и сиреневые ботинки; в углу висело сиреневое пальто, на откидном столике лежали длинные перчатки того же оттенка и шляпка с небрежно развязанными лентами, — вовсе непохожая на корзину для цветов, как у простодушной тетушки Сьюзан, а такая же изящная, как и сама хозяйка, шляпка-аристократка, настоящая *comme il faut*¹. И Мэй, которая кое-что смыслила в моде, сразу же догадалась, чего стоило

¹ Здесь: в наилучшем исполнении (*франц.*).

подобрать вместе платье, пальто, перчатки и шляпку такого редкого цвета, как сиреневый, и какие усилия на это потрачены. Духи у незнакомки тоже были *comme il faut*, не резкие, не тяжелые, не искусственные; они окутывали ее восхитительным облаком и придавали еще больше шарма. Нет слов, незнакомая попутчица нравилась Мэй все больше и больше, и не только потому, что одета изысканно и умеет выбирать ароматы. У дамы в сиреновом были прекрасные белокурые волосы, точь-в-точь такие, о которых с детства мечтала Мэй, которая терпеть не могла свои темно-каштановые кудри. И вообще попутчица очень хороша собой, но нет в ней того неприятного сознания собственной красоты, которое нередко бросает тень надменности на самые красивые лица и портит их. Напротив, и тон у нее дружелюбный, и улыбка, располагающая к себе. Она улыбнулась Мэй, и девушка поймала себя на том, что улыбается в ответ. Хотя английское воспитание и приучает людей к сдержанности, однако тут оно, похоже, бессильно.

— Кажется, мы с вами будем ехать до Ниццы вместе, — приветливо сказала дама. — Вы когда-нибудь бывали там раньше?

Мэй замаялась. Почему-то в это мгновение она остро ощущала свою ограниченность. Ну как, скажите на милость, признаться столь милой, любезной собеседнице, что ты почти всю свою жизнь провела в захолустном городке Литл-Хилл и даже в Лондон, до которого не так уж и далеко, навевдалась только по большим праздникам? Что уж тут говорить о загранице, которая до сих пор встречалась Мэй только на страницах романов.

— Я впервые во Франции, сударыня, — наконец сказала Мэй.

— И никогда прежде не уезжали из Англии, верно? — спросила дама.

Мэй смиренно подтвердила, что так и есть. Хотя в тоне незнакомки не было и намека на снисходительность, почему-то Мэй казалось, что дама в сиреневом уж точно не сидела на месте и наверняка объездила всю Европу, а может быть, и не только ее.

— Вам нравится путешествовать? — продолжала дама.

— Еще не знаю, — честно призналась Мэй.

Дама улыбнулась.

— Это очень просто, — объяснила она. — Если вы считаете дни и не можете дождаться того момента, когда вернетесь домой, значит, путешествия не для вас.

Мэй задумалась. Конечно, дома ее ждал пони мистер Пиквик, ручной еж Джек, который бегал за ней, как собачка, любимая кукла и двое младших братьев, но, положив руку на сердце, она не могла сказать, что в это мгновение ее непреодолимо тянуло к ним. Совсем иначе было в начале путешествия, когда она уезжала из Лондона по направлению к Дувру. Тогда — о, тогда она тосковала безумно и по ночам орошала подушку горячими слезами. Но стоило Мэй переправиться через пролив, и новые впечатления захлестнули ее с головой. Так забавно было открыть, что французы и впрямь говорят по-французски, как ее гувернантка мадемуазель Клерфон. А парижские магазины! Какие там шляпки, духи, веера, прелестные мелочи, которые заставляют сердце любой женщины биться чаще!

— Мне нравится во Франции, — сказала Мэй. Однако английское благоразумие и тут попыталось взять верх. — Но, мне кажется, — несмело продол-